

**Письмо Е.П.Блаватской к Д.Д.Баку
от 7 мая 1887 года**

[LOWER NORWOOD
MY 7
87¹

Д.Д.Баку, ч[лену] Т[еософского] о[бщества]
136 W[est] Eighth Street
Cincinnati (Огайо)
США

CINCINNATI
MAY
17
1887^{2,3}

Лондон, Мэйкот – Краун Хилл.
Верхний Норвуд. К[эннон] С[трит]⁴.
7 мая [18]86 г.⁵

Не везет! Опять спасена и вынуждена принять продлённый срок *ненавистной* жизни, нет слов. Я попросила д-ра Эштона Эллиса (жителя Лондона и ч[лена] Т[еософского] о[бщества])⁶, вызванного в Остенде⁷ графиней Вахтмейстер⁸, чтобы спасти мою «драгоценную» (!!)) жизнь, написать Вам необычные подробности⁹. Надеюсь, он напишет. Сердечное и искреннее спасибо за

Публикуется впервые по: Адьярский архив, №11.1.41.49.

Письмо написано на открытке.

Перевод с английского Е.А.Бобровой.

Комментарии А.Д.Тюрикова.

Бак Джайра Деви (1838–1916) – американский врач, писатель, основатель Теософского общества в городе Цинциннати.

¹ НИЖНИЙ НОРВУД МАЯ 7 [18]87 (*англ.*).

² ЦИНЦИННАТИ МАЯ 17 1887 (*англ.*).

³ Штamps об отправлении и получении письма с датой и адрес на открытке.

⁴ Кэннон Стрит – станция лондонского метро.

⁵ Ошибка в дате, необходимо: 1887 г.

⁶ Эллис Уильям Эштон (1852–1919) – английский врач, вагнерист, писатель.

⁷ Остенде – курортный город в Бельгии.

⁸ Вахтмейстер Констанс (1838–1910) – член Теософского общества с 1881 г., писательница, секретарь и казначей Лондонской ложи Блаватской, жена К.Вахтмейстера (1823–1871), министра иностранных дел Швеции (1868–1871).

⁹ «Е.П.Блаватская оставалась в Остенде до весны 1887 года. Хотя одну ее никогда не оставляли, но когда в октябре [1886 г.] приехала к ней вновь графиня Вахтмейстер, мы стали спокойней, зная, что никто, в случае осложнения болезни, которые вообще ее не оставляли, не присмотрит за нею, как она.

И правы мы были! К концу зимы она захватила бронхит и хроническая болезнь почек – милое наследие Индии – до того ухудшилась, что бельгийские доктора объявили ее безнадежною... Пусть она сама за себя расскажет все дело, болезнь свою и спасение.

“Милая ты моя, не бойся, – еще раз надула я *курносую*: выходили меня!.. Удивительные казусы со мной все творятся. Ты пишешь: “Можно ли быть такою неосторожною!” – Да разве же я по неосторожности простудилась?.. С кресла не вставала, из комнаты не выходила, как прикованная сидя над своею *Доктриной*; всем работы с нею задала: и графине, и доктору Китлею, двоюродному брату того, что ты в Париже видала; он приехал из Лондона депутатом, звал меня к ним туда, – а я его за работу!.. Видишь ли, дней за десять до болезни стало Лондонское общество усиленно меня призывать: нужна-де я им! Без меня ничего не поделают, учиться ок[к]ультизму хотят, а потому сгорают желанием лишиться Остенде моего благотворного присутствия... Прежде все вороха писем умоляющих получала и отмалчивалась... Ну-де, вас, совсем! думала. – Дайте вы мне покойно книгу свою писать. Не тут-то было: депутацию прислали! Keightley уверяет: “И дом чудесный в саду наняли, и все приготовили, и на руках вас на место доставим – только согласитесь!” Я, было, и решилась. Графиня уж укладываться начала, хотела меня упаковать,

сездить в Швецию, продать там свое имя, чтобы жить при мне неотлучно, и вдруг я свалилась!.. Такая, видно, моя планета!.. Да еще какой тут *пассаж* вышел. 27 марта назначено было нам выехать, а 17 я ни с того, ни с сего, сидя в кресле после обеда, заснула. Ты же знаешь, что со мной никогда этого не бывало!.. Заснула я крепко и вдруг говорю ей, как она рассказывает, я-то ничего не помню совершенно:

“Хозяин говорит – вы не должны ехать, потому что я буду смертельно больна...” Она как закричит: “Что вы говорите?!” Я проснулась и тоже кричу в удивлении: “Чего вы кричите? Что случилось?!” Tableau <Ну и зрелище, *англ.*>!.. Дня через два мы, было, и забыли об этом, как получаю я еще одно письмо из Лондона от некоего члена, которого я и в глаза не видала, Easton Ellis – доктор при Вестминстерской больнице, мистик, вагнерист, великий музыкант, еще молодой человек... Тоже умоляет меня не переезжать на том, вишь, основании, что *видал меня перед собой*, – по портретам, говорит, узнал... Стою я, говорит, через стол его, на котором он писал, и смотрю на него... Мы с Constance (графиней) еще смеялись над его восторженными уверениями: “My life seems strangely linked with yours <Моя жизнь кажется странно связанной с вашей, *англ.*>!.. Моя жизнь связана, пишет, с вами и Теософическим Обществом. Я знаю, – *я скоро должен вас увидеть!*...” Посмеялись и об этом забыли... Тут я горло простудила, сама не понимаю как, а потом – еще хуже! Как слегла я да на пятый день остендские доктора объявили, что надежды нет, потому что началось отравление крови от бездействия почек, а я все дремала, да так и должна была заснуть навеки в этой дремоте, – графиня и вспомнила, что ведь этот Аштон Эллис – доктор известный. И телеграфировала ему, прося прислать хорошего специалиста.

Вдруг этот, доселе чужой человек, телеграфирует: “Еду сам, прибуду ночью”. – Я, как во сне, еле помню, что кто-то в самом деле ночью пришел, взял мою руку, поцеловал ее, давал мне что-то глотать; присел на кровати и начал массировать мне спину. Представь себе, что этот человек три ночи и три дня не ложился и каждый час растирал меня и массажировал...”

Далее Елена Петровна рассказывает, как она слышала говор присутствовавших о том, что если умрет она, не подписав своей воли, то без завещания не позволят сжечь ее тела...

“Тут проснулось во мне сознание всего ужаса быть похороненной, лежать здесь с католиками, а не в Адияре... Я позвала их и говорю: “Скорей, скорей нотариуса!”, и, поверишь ли, – *встала!*.. Артур Гебарт, только что вернувшийся из Америки и приехавший с матерью, прослышав о моей болезни, побежал, привез нотариуса и американского консула; а у меня – откуда силы взялись? – Сама диктовала и подписала завещание... Покончив, чувствую – не могу больше! Опять в постель и говорю себе: “Теперь – до свидания! Помирать буду!..” Но Easton тут из себя вышел: целую ту ночь он опять меня массажировал и поил какую-то дрянью. Но я уж видала, что у меня тело сделалось серым и в сине-желтых темных пятнах и, впадая в беспамятство, только с вами мысленно прощалась...”

Массаж, однако, подействовал; проспав целые сутки, Елена Петровна проснулась вне опасности. Рассказывая впоследствии об уходе за ней этих “посторонних людей” – графини, m-me Gebhard и в особенности совсем незнакомого, светского, модного доктора, поплатившегося сильно своею службой за то, что самовольно, без отпуска, уехал в ту же минуту, как получил телеграмму, – вспоминая их “неустанные, самоотверженные услуги, заботы их, усталость и тревоги ради спасения нескольких лет, быть может, нескольких месяцев жизни чужой им старухи”, сестра мне далее пишет:

“... Не знаю, что и думать! Что я им?.. За что графиня так привязана ко мне, что готова жизнь отдать для меня? Что я такое для Эллиса, никогда меня не видавшего, чтоб он, не задумываясь, рискнул, без позволения, бросить для меня госпиталь на *семь* дней; теперь потерял место с прекрасным содержанием и квартирой при Westminster dispensary <Вестминстерском диспансере, *англ.*>, съездил туда, вернулся и смеется: совсем, говорит, не жалеет! Больше времени будет для теософии работать с одною практикой... Ну, что это значит? Что им во мне?.. Что за судьба моя так влиять на судьбу других людей?.. Я тебе говорю серьезно: *мне страшно!*.. Я перестаю понимать причины и теряюсь! Знаю только одно: я вызвала какую-то неведомую силу, которая связывает судьбы людей с моею судьбой и моею жизнью... Знаю также, к своему счастью, что многие между преданными мне людьми считают меня своею спасительницей. Многие были бессердечными эгоистами, материалистами безверными, светскими, легкомысленными сластолюбцами и превратились в серьезных, работающих без усталости людей, всем пожертвовали делу: положением, временем, достоянием и только об одном помышляют: о своем духовном и умственном развитии. Они поделались какими-то жертвами искупления, живут только для блага других; во мне видят свое спасение и просвещение, а я что?.. Я сама та же... что и была. По крайней мере, в отношении их, право!.. Я готова отдать последнюю каплю крови за теософическое дело, но теософов – почти никого не люблю!.. Не могу я лично никого любить, – кроме вас, родных моих... Что я за слепое орудие в руках – надо правду сказать – того, кого я зову *он, Master?*.. Не знаю! *Не знаю!* И *не знаю!*.. Для меня, как и для всех, феноменальное возникновение, по *моей* инициативе, нашего общества; его рост не по дням, а по часам; его несокрушимость ни под какими ударами врагов – неразгаданная загадка! Не знаю, какова тому логическая причина, но вижу, знаю, что ему, теософическому обществу, суждено иметь мировое значение. Оно станет мировым событием!.. В нем заключается нравственная и психическая сила, под давлением которой оно, как девятый вал, залетит, сметет и затопит с берегов все то, что меньшие волны человеческого мышления выкинули на них чуждых осадков, обрывков систем и философий. Я – слепой его двигатель, но в нем – зрячая, великая сила!”

“Великая сила” эта, вероятно, поддержала и в сей раз столько раз уже спасенное ею от окончательного крушения тело, из которого сотворила себе орудие. В бельгийском медицинском журнале появилась статья о редком, почти небывалом случае выздоровления Е.П. Блаватской. Передо мной статья д-ра медицины А. Китля, подтверждающая то же. Он сам через месяц вернулся в Остенде, чтобы перевезти чрез Ламанш Елену Петровну на пароходе и с парохода ее, разумеется, перенесли на носилках, но, в общем, она довольно благополучно достигла

Ваше братское, полное сочувствия письмо. Но есть ли от меня какой-либо толк для смертных? Боюсь, что нет: иначе я бы меньше сожалела о сладостной, блаженной смерти. Ну что ж, я каким-то образом опять здесь. Передайте мой искренний пламенный привет г-ну Р[альфу] С[киннеру]¹⁰. Скажите ему, что я посылаю ему тибетскую святыню, кольцо (он должен носить его ради меня, потому что оно очень оккультное), и мою *физию*¹¹ – сильно приукрашенный облик меня два года назад¹². Другого не имею. Я напишу длинное письмо при первой же возможности. Делегация из Лондона прибыла в Остенде, упаковала меня и привезла с собой, с почками, парализованными ногами и всем остальным¹³. Хорошенький получился багаж! Пишите по вышеуказанному адресу. Ваша в теософской вечности.

ЕПБ.

Англии, где и прошли последние четыре года ее кипучей, необыкновенной деятельности» (*Желиховская В.П.* Елена Петровна Блаватская. Биографический очерк // Русское обозрение, 1891, №12. С. 591–595).

¹⁰ Скиннер Джеймс Ральстон (1830–1893) – американский адвокат, масон, каббалист, писатель (см. письмо Е.П.Блаватской Д.Р.Скиннеру от 17 февраля 1887 г. // http://art-roerich.org.ua/sites/default/files/blavatska/HPB_Skinner_17.02.1887.pdf).

¹¹ физиономию (*англ.* phiz), речь идет о фотографии Е.П.Блаватской (см.: Андовер-Гарвардская теологическая библиотека, коллекция BMS, №516.1.2).

¹² «Что бы ни случилось, вы получите мою фотокарточку, [тибетскую] святыню и кольцо» (Из письма Е.П.Блаватской Д.Р.Скиннеру от 5 апреля 1887 г. // http://art-roerich.org.ua/sites/default/files/blavatska/HPB_Skinner_5.04.1887.pdf).

¹³ В начале мая 1887 г. Е.П.Блаватская переехала жить в Лондон.